

Книги Сэя Алека
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

ЗВЕЗДНОЕ СКОПЛЕНИЕ
ЗВЕЗДНОЕ СКОПЛЕНИЕ. КУРС ВТОРЖЕНИЯ

МЕРЗКИЙ СТАРИКАШКА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СЭЙ АЛЕК

МЕРЗКИЙ СТАРИКАШКА

РОМАН

Москва, 2016
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А45

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1019

Художник
И. Воронин

Алек С.
А45 Мерзкий старикашка: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 315 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2276-0

Хорошо быть молодым, здоровым, сильным! И море по колено, и любое дело по плечу. Тут перспективы попасть в другой мир не страшны.

Только что делать такому молодому и красивому (ну сам себя не похвалишь, знамо дело), если обстоятельства сложились неожиданно. И попал ты в тело старенького и хворенького монаха, заполучив в наследство лишь крохотную келью, кучу болячек и гадкий, неуживчивый характер. Ну так и не беда! Мозги ж не отшибло, проживем!

А тут и трон занять внезапно предложение нарисовалось...
Держись, мир! Мерзкий старикашка идет.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сэй Алек, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2276-0

Эту книгу я хочу посвятить своему коллеге, доброму товарищу и просто замечательному человеку Владимиру Петровичу Прудникову, на чьи, прямо надо сказать, нечастые вздохи по поводу возраста и всего, с ним связанного, мне всегда хочется ответить: «Ты бы сначала хоть лимон, что ли, съел!»

Автор

Болит поясница и почему-то колени. Странно, когда КамАЗ вылетел на остановку, я на лавочке сидел, и бампер выше ног прошел...

Позвольте, а на каком основании я вообще тогда жив? Отчетливо же помню, как меня размазало, а потом... Да, а ведь было, действительно было это «потом». Помнится, вишу над разнесенным остановочным павильоном где-то там, сверху, метрах в пяти над землей, внизу кровища — не один я маршрутку дожидался, — мусор, шум и вопли, из кабины грузовика, что в стенку дома впечатался, мужики водилу вытаскивают с явным намерением устроить суд Линча, а мне покойно так, только любопытство какое-то проскальзывает: мол, что дальше будет-то?

А дальше... Дальше тоже было. Как-то все тускнеть начало, что ли, цвета терять, и чувство такое, словно в воронку какую-то затягивает. А потом — опа, сам не понял как, а я уже в... Труба не труба, тоннель не тоннель... И не объяснишь сразу, что это. Свет какой-то вроде как вдалеке, тебя к нему несет (или он приближается?), а со всех остальных сторон этакая... турбулентность, во. Не стенки. Ты будто в центре смерча находишься, именно так оно и выглядит, наверное. И ни страха уже, ни любопытства — ничего. Чистая апатия.

Потом труба не труба в такой, что ли, пузырь преобразовалась, и ощущение движения пропало, а свет вокруг разлился, вроде как насквозь пронизывал даже. И еще... Да, еще там фигура из света же была, гораздо более яркого, но не слепящего.

Хотя очень я сомневаюсь, что это, гм, существо действительно имело антропоморфную форму, как мне тогда показалось. Скорее заскоки человеческой психики, которая не привыкла еще вот так вот, без тела, существовать.

Что-то он меня спросил... Что-то типа: готов ли я... К чему? Не помню. Как в тумане этот момент. По смыслу вроде бы похоже на: «Готов ли перейти в другую форму существования». Точнее не скажу, это... Ну, не словами же он спрашивал. Скорее, что-то вроде телепатии, причем не той, которую можно буквами записать, а той, что надо рисовать и одновременно музыкальное сопровождение включать соответствующее. Как-то так, и еще куча нюансов.

А ответил я... Ну да, гонор мой прорезался — врут это, что горбатого могила исправит. Как был характер паршивый, так и после смерти не улучшился. Или просто не успел. Вот и брякнул я что-то вроде: «Меня никто не спрашивал, хочу я еще пожить или только и ждал, что того КамАЗа».

Это светящееся нечто мне свое недоумение, приправленное долей иронии, оттранслировало со смыслом: «Ты гляди, какой живой покойник». И отчетливо так поинтересовалось: «Значит, еще пожить хочешь?»

— Хотелось бы еще, хоть немного. — Даже какая-то слабая злость в глубинах моей апатии пробудилась. — Что я за свои двадцать с небольшим видал? Только-только универ окончил, работу приличную нашел, о женьтибе начал задумываться.

А это светящееся возьми да пошли мне несколько образов того, что видал. Был бы жив — покраснел бы, честное слово.

И чувствую я, что он насмехается — не злобно, а так... По-дружески, что ли? Как более старший и опытный товарищ.

«Немножко? Немножко еще можно, пожалуй...» — И задумчивость от него такая исходит.

— Как ты себе это представляешь? — спрашиваю. — От меня выше пояса одно мокрое место осталось.

А он мне что-то такое показал... Планета, но не Земля, хотя чем-то и похоже. Материки толком не разглядел, только общий бело-голубой цвет.

«Есть интересная развилка в развитии, можно немножко пожить. Тело освобождается».

— Обратно, значит, никак?

«Можно, если вернуть тебя в более раннее время, но тогда ты бы прожил долго».

И опять меня куда-то потянуло, а этот светящийся вроде как удаляться начал.

— Эй! — крикнул я (ну или вроде как крикнул — тела нет). — Меня же сразу раскусят, что я — это не я! Я ж ни языка местного, ни традиций не знаю, ничего!

«Кое-что тебе от прошлого владельца тела достанется».

И волна успокоения от светящегося идет. А дальше...

А дальше — все. Лежу вот. Поясница болит и отчего-то колени. Не на перине лежу явно, на твердом чем-то, но и не на голых досках. Сверху... Одеялко какое-то есть, не тяжелое опять же, но имеется. Воздух вокруг свежий, не городской, цветущим садом пахнет, и чье-то присутствие неподалеку явственно ощущается. Открыть, что ли, глаза или попытаться вспомнить, кто я теперь?

Собственно, а ведь я и то, кем был до злосчастливого КамАЗа, не особо и помню, оказывается! Имя? Нет, не

помню. Родители? Да, мать, отец, сестренка младшая, егоза... Только лица как в тумане — встречу, так и не узнаю. Это что за ерунда?

«Тебе это уже не надо, — мелькнуло где-то на границе сознания. — Жди. Память этого мира придет, но не сразу. Ваше сознание очень хрупкое».

Ну, спасибо! Облагодетельствовали! Буду лежать и прикидываться спящим, а то точно спалюсь.

Скрип. Так дверь на несмазанных петлях открывается — у бабушки в деревне, в сенях, похоже скрипела, я помню. И шорох какой-то справа.

Надо же, глаза слиплись, оказывается! И хорошо. А то чуть не открыл машинально, конспиратор тоже мне.

— Сидите, сидите, брат Шаптур, вы, я знаю, всю ночь не спали.

Это со стороны, где скрипело.

И шаги негромкие, ко мне приближающиеся.

— Не смею, отец-настоятель.

А интересный язык — с русским вообще ничего общего. Наверное. Я и родную речь не помню, оказывается, — так, только общее звучание припоминается. Ну, кому-то я это все попомню, когда помру в следующий раз!

— Сядьте. — Голос немолодой совсем, вроде бы и спокойный, но есть в нем скрытая властность. — Не хватало еще, чтобы и вы заболели от утомления. Как... брат Прашнартра?

Это у меня имя теперь такое? Язык сломать можно — ну удружили так удружили!

Однако перед тем как его произнести, этот «отец-настоятель» запнулся на долю мгновения. С чего бы, интересно?

Ах да, имя при вступлении в сан меняют на «священное» — это обещанные воспоминания тела-реципиента, похоже, проявляются.

Или дело не только в этом?

— Жар спал, он перестал метаться и бредить. После полуночи дыхание его стало слабым, едва заметным, и я осмелился влить в него еще порцию снадобья, поскольку мне показалось, что он отходит. — А у Шаптура голос помоложе. Взрослый вполне, но сильный, нет в нем тех надтреснутых ноток, как у очень пожилых людей. — К утру кризис миновал, и он теперь просто спит, мне кажется. Иногда я с губки даю ему попить...

— Отчего вы не послали за мной, брат, когда ему стало совсем худо?

— Ах, отец Тхритрава, но что бы это изменило? Я молился за него...

— Мы могли бы молиться о его исцелении вместе. — В голосе настоятеля прорезались нотки сурового недовольства.

— Но... ведь и вы, и вся братия неустанно о том молитесь и так!

Вот интересно, и откуда во мне такой скепсис к последним словам брата Шаптура? Ой, не иначе все те же обещанные воспоминания...

А вдруг бывший хозяин моего тела был такой гад, что единственной молитвой, которой он достоин, является: «Чтоб ты, гнида, сдох»? Интересно, и много мой предшественник врагов нажил?

— Это верно. — Голос настоятеля смягчился. — И все же в такой час, когда жизнь нашего брата висела на волоске, каждый глас, взывающий к Святому Солнцу, был бы небесполезен. Я не виню вас, брат Шаптур, вам как бывшему мирскому лекарю это непривычно, должно быть...

— Я, верно, еще не проникся должной благодати, отец Тхритрава.

— Пустое. Вы слишком недавно у нас в обители, вам наши порядки внове, но я буду последним, кто обвинит

вас в пренебрежении своим священным долгом. — Голос настоятеля был полон меда и патоки. — Нынче пойдите отдыхать. Скоро сюда придет брат Асмара, а покуда его нет, при брате Прашнартре побуду я, помолюсь о его скорейшем выздоровлении. Идите, не спорьте. Я тут все же пока настоятель.

Интересно, меня сейчас подушкой придушить не попытаются? Если так, то Тхритраву будет ждать пренеприятный сюрприз — мне обещали дать еще немножко пожить, причем, полагаю, подразумевалось не несколько минут, так что буду драться.

Хотя сам-то настоятель мараться вряд ли станет...

Хм, а с чего бы это такая паранойя? Явно не моя собственная, а благоприобретенная — за свой поганый язык в торец, бывало, получал, но вот чтобы всерьез кто-то на мое здоровье покушался — такого не было. Ну, ангелы небесные или кто вы там, что за типа вы мне в качестве реципиента подсунули-то?

Эх, пить охота, а тут этот пастырь душ человеческих ошивается, чтоб его. Вот не доверяю я ему отчего-то, хотя и не видел еще ни разу. Не буду при нем «в себя приходить».

Вновь скрипнула дверь.

— Отец-настоятель? — басовито произнес вновь вошедший.

— Оставь, Асмара, мы одни, — отозвался Тхритрава. — Шаптура я отпустил, пусть отдохнет. Этот лекарь хорошо поработал. *Он* идет на поправку.

— Велика важность... — Тяжелые шаги у этого брата Асмары, не иначе весит как чугунный мост. — Когда он год назад расшибся, ты так не переживал.

— Год назад был жив царевич Тыкави, — сварливо огрызнулся настоятель.

— У него же осталось двое сыновей.

— Двое *малолетних* сыновей, — прошипел Тхритрава, затем помолчал немного и спокойно, как-то даже нудно добавил: — Я получил вести из столицы. Каген серьезно болен.

— Оправится? — деловито поинтересовался Асмара.

— На все воля Святого Солнца, конечно, но я бы не рассчитывал на выздоровление царя.

— И чего теперь ожидать? — озадаченно пробормотал собеседник настоятеля.

— Кто знает? — задумчиво протянул Тхритрава. — Дочерей своих он всех выдал в другие государства, его единственный сын мертв, а Шехамскую Гадюку в качестве регентши при малолетнем внуке Кагена Совет князей потерпит вряд ли. Сами они промеж собой тоже никогда не договорятся. И тут те, кто поумнее, могут припомнить о том, что у правителя есть еще и брат, который, по всем законам, имеет преимущественное перед царскими внуками право на престол. Но если к тому моменту, как это придет в головы примасу и владетельным, царевич Лисапет умрет, то нам с тобой, брат-кастелян, не поздоровится.

Опа! Опаньки! Оп-па-панечки! Это они про кого? Не иначе как про меня! Я, что же, выходит, царского роду и вскоре трон унаследую? Черт возьми, а жизнь-то налаживается!

— Ладно, это все пока только домыслы. Приставь кого-нибудь из братии за ним приглядывать, пока не поправится. Не самим же нам с тобой за ним горшок выносить.

— Думаю, юный Тумил сегодня о нем позаботится, — ответил Асмара.

— Кто? Он же еще только послушник и совсем мальчишка.

— Зато княжеского рода. Никто не скажет, что приглядывать за братом Прашнартрой приставили незнамо

кого. К тому же... — Кастелян издал гаденький смешок. — Выносить горшки за больными — это хороший урок смирения.

— Резонно, — согласился настоятель. — Пойдем, пришлешь его, а у нас еще много дел.

Снова скрипнула дверь, и я остался в одиночестве.

Помирающего одного оставили, гады! Припомню я вам это, когда царем стану!

Продрав глаза, я первым делом огляделся. Что сказать? Небогато тут живут царевичи, что уж там. Келья, какие в монастырях бывают (если верить фильмам и Интернету), камень, никакой штукатурки. Размер комнатухи — три на три с половиной метра где-то. Ну или, по местным меркам, шесть на семь локтей.

О, опять телесная память. Не обманул неопознанный светящийся субъект!

Обстановка — тоже не пятизвездочная гостиница. Это, скорее, отель «все выключено»: топчан подо мной; табуретка; небольшой столик; вешалка с каким-то бурокоричневым плащом на ней; пузатая тумбочка у стены, справа от двери; на тумбочке какие-то инструменты для пыток валяются. А, и еще небольшое зеркало, вроде как из полированного металла.

Хм, выходит, набор юного палача — это мои мыльнорыльные? Однако... В какую же глушь я попал-то?

Ладно, хоть посмотрим, как я теперь выгляжу... если чертова спина и негнущиеся коленки встать позволят. Есть! Сел! Теперь встать... Слабость-то в теле какая... Ну да, ну да, я ж болел... А мы вот по стеночке, по стеночке — и на месте. Ну, свет мой, зеркальце... заткнись.

Да-а-а... Что же, теперь с «немножко» все понятно. Глядя на свое отражение, я понял, что мне лет сто. Ну или немногим меньше, если сделать поправку на болезнь. Но это офигеть как болеть надо!

Из зеркала на меня смотрело сухое морщинистое лицо, не бритое дней пять. Натуральный обтянутый кожей череп с седыми, некогда заплетенными в косичку до лопаток, а теперь частично выбившимися и всклокоченными жидкими волосенками, тонкими губами, крупным тонким носом и здоровенными водянисто-голубыми глазищами. Вокруг глаз наблюдалась такая чернота, что сравнение с пандой приходило на ум само собой.

Я перевел взгляд на костлявые руки с узловатыми, воспаленными суставами артритника, заглянул под свою замызганную серую ночнушку («нижняя рубаха» — услужливо поправила меня память) — нет, не задирает подол, тощие и перевитые венами цыплячьи ножки и так видны были хорошо, просто ворот широкий оттянул и заглянул.

Красота, кожа да кости. Где мои сто десять кило сплошной мускулатуры? Ни одна сволочь не верила, что я айтишник. Где мои густые черные волосы? Где мои сто восемьдесят сантиметров роста?

Хотя с ростом — это я зря. Тот типус, в которого я попал, судя по ощущениям, ниже не так уж и намного — сто семьдесят сантиметров точно будет.

И, наконец, где мои двадцать четыре (ну ладно, почти уже двадцать пять) года?!

Ой, что-то сердечко зашло, как после пробежки на пятый этаж с системником, и ноги подкашиваться начали... А ничего, мы обратно, по стеночке, до топчана — и приляжем. Черт, не так-то и просто улечься с больной спиной, оказывается! Радикулит, что ли? Ну, надеюсь, геморроя хоть нет...

Память услужливо подсказала, что да, таки есть. Поцарствовал, Дадон фигов! Тут об уютной могилке со всеми удобствами думать надо, а не о троне. Царевич... Это в сказках царевичи — молодые балбесы, а в реальности,

получается, — старые пни. Сколько ж мне теперь? Лет семьдесят?

Память немного поподвисала, а потом выдала результат: двадцать восемь лет и шесть месяцев.

Скока?!

Я аж чуть не подскочил на месте от такой новости — больная спина не пустила.

Это в какие такие тяжкие я при прошлой жизни ударился, что так свой облик поизносил?! Да наркоши конченные в таком возрасте выглядят приличнее и моложе!

Память подгрузила какие-то дополнительные ресурсы мозга и сообщила, что год состоит из двадцати четырех месяцев по двадцать восемь, а каждый третий — по двадцать семь дней. Итого в году шестьсот шестьдесят восемь (ну или девять, если год високосный, что бывает шесть раз за десятилетие) дней.

Удивительно-то как! Я-то думал, что на параллельную Землю попал, а тут, ты погляди-ка, Земля какая-то прям вовсе перпендикулярная выходит.

Так, и сколько ж мне на наш счет тогда получается? Я прикрыл глаза, накрылся одеялкой — зябко тут все же, в одной ночнушке, и принялся вычислять в уме.

Блин-компот, ну хоть простейший бы калькулятор! Сбивался раз пять, но по всем прикидкам выходит, что этому телу — едва за пятьдесят. А чего я выгляжу тогда так погано? Может, правда, излишества, аморальный образ жизни и все такое-прочее? Нет, это вряд ли — стоит только на руки посмотреть. Они не только артритные, но еще и в мозолях все. Да и память что-то подсказывает про строгий распорядок, моления на восходе, отбой на закате, умеренное питание и свежий горный воздух. Про алкоголь вообще не подсказывает — или у моей памяти склероз, или я его вообще неизвестно когда последний раз видел.

Ну, может, конечно, просто пил столько, что напрочь об этом не помню.

А что у меня с зубами?

Покосившись на траурную каемку под ногтями, я напрочь отбросил идею проверять состояние жевательно-кусательного аппарата пальцами. Языком справлюсь!

Зубы оказались на месте — без дырок и не болят (хоть зубы у меня без радикулита, если можно так выразиться!), один, правда, отсутствует. Стерва-память выдала картинку его удаления — смутную, давно дело было, но офигенно яркую. Еще бы, рвать без наркоза.

Куда это я попал?! В какое такое средневековье? Бритва, опасная даже по виду, помазок — я его вообще только как наследство от деда видал, карательная стоматология... Надеюсь, профмедосмотров тут нет, а то посадят задом на растущий огурец, геморрой лечить, как один телеврач советовал. С таким уровнем развития с местных станется...

С этими невеселыми мыслями я как-то незаметно и задремал. Даже не слышал, когда послушник пришел. Эх, старость...

Хотя, с формальной точки зрения, я, конечно, не сильно старше стал — двадцать восемь лет вместо почти двадцати пяти.

Слабое утешение, правда?

* * *

Память прошлого обладателя тела потихоньку возвращается. Здоровье — тоже.

Хотя какое у Лисапета, к черту, здоровье? Запустил себя дедушка. Ну или его «запустили» — имеются у меня некоторые подозрения на этот счет. Кому нужен живой

брат правителя, когда у того законный сын и наследник имеется?

Да, таки брат. Младший. Сводный. Сын царя Лендеда Великолепного и его второй жены — первая в родах померла.

История, в общем, в лучших традициях Средних веков, в каковых я, похоже, нынче и пребываю, да русских народных сказок — было у царя три сына. Старший — умный был детина, средний был и так и сяк, третий... Третий помер во младенчестве, потому в дальнейших событиях и не участвовал. А средний — это, получается, я.

Почему «и так и сяк»? А какого такого гениального ума ждать от мальчика-мажора в восемь (по нашим меркам — пятнадцать) с небольшим лет? Бабы, выпивка, охота, породистые лошади — чего Лисапету еще было желать в те времена? Он ничего другого и не желал.

Ох и покуролесил же, мелкий гаденыш, и все ему с рук сходило. Конечно, это первую царицу Лендед взял в жены по политическим резонам, причем не сам, а с подачи своего папеньки, чтобы мирный договор закрепить (такая вот войсковая операция по принуждению к браку получается), а на второй уже женился по любви, ну и меня потому привечал. А вот братец, который по местным меркам на пять лет меня старше, на дух нас с царицей не переносил. Ну, вообще, понять того можно: мачеха его в черном теле держала, все мечтала на трон свою кровиночку посадить, и, может, даже у нее чего и срослось бы — сама она из местных, из богатого и влиятельного княжеского рода, дядьев-кумовьев при дворе полно, а то, что сын охламоном растет, так молодой еще, перебесится.

Оно, конечно, может, и перебесился бы, когда в возраст вошел, да только тут папенька подсуропил — возьми да на охоте шею и сломай. Лошадь, понимаешь, споткну-

лась, а он сильно был нажрамшись к тому моменту, вот в седле и не удержался.

Беды, ясен пень, никто не ждал, так что и готовых планов интриг на случай внезапного атаса стороны не имели, однако Лисапетову маменьку это ничуть не смутило — та еще была стерва. Не успев похоронить мужа, она уже начала мутить воду против законного наследника престола, упирая на его неблагонадежное происхождение от дочери враждебного государства.

Пес его знает, протащила б она меня на царство через Совет князей, который, формально, утверждает нового государя на трон, или нет, но, как я уже упоминал, старший — умный был детина. И в войсках авторитетом пользовался.

Нет, гражданскую войну с резней всех несогласных он затевать не стал. Каген поступил гораздо разумнее.

Внешне он вообще никак на потуги мачехи не прореагировал, наоборот, собрался в паломничество, за усопшего отца помолиться, да не в ближний монастырь, а от столицы подальше, в обитель Святого Солнца, к чудотворной Реликвии припасть. Есть здесь такая — здоровенный золотой слиток, в котором человеческая рука словно в пластилине отпечаталась. Считается оттиском десницы этого самого Солнца, когда он в людском облике по земле шарился и диким людям раздавал знания и прочие ништяки.

С пропагандистской точки зрения ход беспроигрышный, ну, царица на него и купилась. Спроварила с Кагеном и младшенького царевича (он, мол, ничуть не меньше отца любил, больше даже, пушай к святыне припадает вместе с братом и рубит на этом половину купонов, а я женщина слабая, к путешествиям неприспособленная, я тут, в столице посижу, почву подготавливаю, чтобы пасынка с короной прокатить) — не одного, понятно, со свитой,

телохранителями и прочими лакеями. И вот тут в дело вступила география. Я бы даже сказал — политическая география.

Суть в том, что монастырь наш расположен в «тупиковой» горной долине, путь к которой проходит неподалеку от торговой тропы. Ничего удивительного нет в том, что на этом ответвлении с незапамятных времен стоит крепостица с таможенным пунктом и гарнизоном — во-первых, пошлину с купцов брать где-то надо, так почему и не здесь (вдруг они монахам продадут чего, не уплатив до этого положенного сбора в казну?), а во-вторых, обитель Святого Солнца — это место священное, прославленное, но расположенное едва не у самой границы. Случись какая война, соседи Реликвию могут запросто затрофеить, чтобы паломники и богомольцы уже в их страну поклониться ездили и, соответственно, свои деньги у них тратили — на еду, проживание и всякие добровольные пожертвования.

Крепостицу эту в придворных раскладах никто не учитывал — сущая дыра. Хоть и обросла уже кой-каким посадом, после завоевания княжества Самватин по ту сторону гор и вовсе значение почти утратила. И зря не учитывали, потому как комендантом гарнизона в ней был боевой товарищ Кагена, должность эту получивший благодаря некоторому знакомству с царевичем, но мечтающий-то о несколько большем.

В общем, когда паломники добрались до монастыря, Каген с помощью своих личных гвардейцев и крепостного гарнизона доходчиво объяснил всем заинтересованным лицам, что брат его младший и любимый, Лисапет, проникся святостью обители и решил уйти в монахи, посвятив оставшиеся свои дни молитвам об усопшем отце. Почему сам об этом не сказал? Так ему все мирское противно отныне, и никого кроме братии он видеть не желает.

ет. И, мол, единственное, о чем он попросил Кагена, — когда тот сядет на престол, освободить сие святое место от всяческих пошлин и купцов сюда без них же пропускать.

Учитывая превосходство моего братца в числе сабель, спорить никто благоразумно не стал, и царевич Лисапет стал смиренным братом Прашнартрой.

Не скажу, что по возвращении в столицу у новоявленного царя все пошло просто и гладко. Тех, кто на меня ставил и планировал вертеть монархом-недорослем, оказалось предостаточно, заговоры множились, я кипами получал тайные послания о грядущем освобождении. Но Каген проявил крутость характера и устроил во дворце воистину сталинскую чистку рядов, в чем ему, кстати, немало поспособствовал мой же родной дядя.

Дедушка-князь, ранее державший весь свой клан железной рукой, к той поре одряхлел и почти полностью уступил фактическую власть над семейством своему сыну и наследнику. Тот же, прекрасно зная норы своей царственной сестры, обоснованно опасался, что с моим воцарением матушка мне обеспечит власть над своими родичами не только в роли сюзерена, но и в качестве нового кланового лидера. Дядюшке это было совершенно не нужно, и он, разумеется, за определенные гарантии, выступил на стороне Кагена, сохранив тем немало жизней родичей.

За местный год все устаканилось, оппозицию царю подавили, о существовании второго претендента на престол начали благополучно забывать, а там и вдовствующую царицу уморили потихоньку... Так вот я и остался на бобах. Причем не только в переносном, но и в прямом смысле слова.

Ну, не только на бобах, разумеется: в долине, где монастырь расположен, и просо растят, и ячмень, и гречку

всякую пополам с репой и свеклой, но суть остается простой — устав обители предполагает преимущественно вегетарианскую диету с небольшим добавлением рыбы в рацион питания. Изредка — именно что по праздникам — жарят барашка. Раз в два месяца где-то.

Правда, рыба, чего уж греха таить, тут знатная. В речках в изобилии водится горная форель, а в озере, близ монастыря, живут офигенные карпы, но готовят рыбу нечасто, а вот впахивать монахам приходится неслабо. А вы что думали, в монастырях только молятся, что ли? Да сейчас! При обители и поля свои есть, где иноки и послушники трудятся наравне с отработывающими «барщину» местными крестьянами (земля в долине формально вся монастырская, хотя большинство пахотных земель, а их не так уж, кстати, тут много, используется жителями четырех местных деревушек), овечью шерсть монахи прядут, а потом полотно ткут. Мельница у нас опять-таки, ну и рыбу ловим сами, да. Причем сетями пользоваться вера, видимо, не позволяет.

При этом еще на монахах лежит обустройство быта богомольцев самой разной финансовой состоятельности, выделка шкур в пергамент и написание на этих пергаментах различных религиозных текстов — как переписывание старых, так и сочинение новых, — починка, отлаживание да подстругивание того, что поломалось, торговля сувенирами культа. Не говоря уже о собственно богослужениях.

Скучать, короче, братии некогда.

Пытался ли от такой жизни сбежать Лисапет? Да еще как! Только в первый год пять раз лыжи наострял. Ну, понятно, с каким результатом, раз я все еще здесь. Солдатики в крепости службу свою знают крепко, мимо них даже ночью фиг проскочишь, да и просто добираться до

них — едва ли не день пути пешкодралом. Ловили, разумеется. И потом отечески вразумляли.

Нет, порка или еще какое рукоприкладство в монастыре не практикуется. Зато есть такая особая келья для осмысления своего нехорошего поведения, перед которой губа в нашей части (да, перед учебой я, не то что некоторые, год в мотострелках оттрубил, там и ряху наел) кажется санаторием. Ну и другие способы «смирить гордыню» имеются. Что там брат Асмара про горшки говорил? Сопляк он по сравнению со своим предшественником! Сколько я одних только выгребных ям очистил — можно сразу высший разряд ассенизатора давать.

Смирили, в общем, Лисапета к одиннадцати годам, и бегать отучили, и к деревенским бабам лезть — это уже без настоятеля, мужики просто два ребра сломали, — и вспоминать про свое происхождение вообще. Доброты, любви к ближним и общительности это ему, конечно, не добавило, и с годами склочность и язвительность его только усугублялись. В общем, премерзкий из него вышел старикашка.

Кстати, действительно старикашка. Это только в мультике совместный труд облагораживает, а в реальности делает из обезьяны усталую обезьяну. У нас-то Лисапет еще бы и на пенсию не собирался, а тут, при полном отсутствии механизации труда и толковой медицины... Здесь и так-то люди стареют куда быстрее, а уж в монастыре...

Взрослеют, кстати, тоже. Взять хоть того послушника, которого определили меня выхаживать, Тумила. Я когда его первый раз увидал, решил, что парню не меньше чем пятнадцать лет по земным меркам, а оказалось, что ему только восьмой год идет. Ну, то есть по-нашему ему и четырнадцати не исполнилось.

Гонору, правда, на все сто тридцать. Эх, ми-лай, тебя тоже тут пообломают...

Как лицу выздоравливающему мне полагались заметные послабления в местном режиме: куриный бульон с кусочком вареной птицы и освобождение от работ. Отец Тхритрава лично заходил каждый день проведать, высказывал всяческие надежды на скорое мое выздоровление, справлялся, не надо ли мне чего... Потом пришли известия, что Каген вроде бы пошел на поправку, и визиты главы монастыря прекратились.

Я уже упоминал, кажется, что характер у меня не сахар? Так вот, монахи дружно отметили, что болезнь брата Прашнартру изрядно к людям смягчила. Это до какой же степени мой «предшественник» всех тут успел достать?

Впрочем, пока память моего реципиента полностью не восстановилась, от общения я старался уклоняться. Начав ходить без помощи клюки, заявил, что не привык к праздности (чем вызвал у брата Асмары неподдельное изумление), и умотал с Тумилом на рыбалку.

Утром следующего дня мы возвратились с озера, едва не надорвавшись при транспортировке улова. Братия смотрела на такую добычу, широко разинув рты, а я только посмеивался себе втихомолку. Рыбари они те еще... Это ж надо додуматься — ловить карпа в теплое время года на червя, да еще ругаться, что подлая рыба погано клюет. Да ладно только наживка неподходящая — они бы хоть прикормить догадались!

Не использовать внезапно проявившийся у меня талант рыболова отец-настоятель счел грехом, так что рыбная составляющая в меню монастыря заметно увеличилась. Сам я такое чудо объяснил благодатной молитвой брата Шаптура, аки удочкой вытащившего меня с того света, чем заработал мужику нехилую уважку как от бра-

тии, так и от паломников, поспешивших разнести весть о чудотворце по всей стране. Последующую пару месяцев нарождающегося лета я с Тумилом, приставленным теперь уже ко мне в качестве рабсилы (и с прицелом перенять методику рыболовства, я полагаю, а то Прашнарта уже старенький, того гляди, может и дуба дать, а рыбки всем хочется), проводил на озере, мысленно прощаясь с несостоявшимся тронем: вести из столицы приходили разные — то царь начинал выздоравливать, то собирался помирать, а потом, так и не отдав богам душу, возвращался к активному правлению... В общем, судя по всему, предстояло мне коротать остатки Лисапетова века именно в монастыре, за молитвой богам и Святому Солнцу, который, строго говоря, вообще-то не божество, а легендарный герой. Дикая помесь Гаутамы Будды с Прометеем, Данко с его сердцем и Феаноровым папашей (не помню я, как этого сильмариллионового деятеля звали). В общем, вывел он свой народ под свет валинорских деревьев, кончил, как и Данко, довольно скверно и с тех пор озаряет мироздание своей любовью ко всему живому.

У него еще два младших братца были, которые опосля его кончины и довели человек до цугундера — в смысле развили до нынешнего состояния — Святое Сердце и Святое Око. Они вознеслись уже после смерти от вполне естественных причин и поэтому светят лишь днем, не так ярко, а Сердце — тот исключительно по ночам. Вращающийся в противоположном направлении Око за сутки на небесах аж трижды появляется, приглядывает за людьми «во всех концах земли» (как ни странно, о шарообразности планет местные прекрасно знают) и докладывает об увиденном старшему брату.

Такой вот недобог-стукачок получается.

Но вообще эти Трое Святых — вполне приличные люди. Зато вот божества... Полный, как бы это без мата,

синтоизм, причем с уклоном в судебную психиатрию. Вон у нас бедолага Зевс всего-то разок похитил Ганимеда, так ему это по сей день припоминают... Нашим борцам за нравственность и духовные скрепы здешние бы писания почитать! Вот где треш, угар, Содом и Гоморра! Хотя... Если от этих подробностей отвлечься, то чтиво выходит занимательное. Такие сюжеты и персонажи, что наши писатели-фантасты левую руку бы за них отдали и правую почку — тоже. Включая Мартина.

Да, свободное от добычи рыбы время я начал проводить за чтением (привычка, да и заняться, один черт, больше нечем), на сей раз шокировав брата-библиотекаря — ну не водилось раньше интереса к записанному слову за Лисапетом. Не то чтобы он вообще никогда ничего не читал, но, скажем так, не часто. Эх, говорил же я этому, который светящийся, что спалюсь моментально...

Хотя на самом деле я не только информационный голод книжками подавлял (ну представьте, какво жителю двадцать первого века, привыкшему, что на него со всех сторон вываливают гигабайты информации, приучиться к существованию в глуши, где и поговорить-то не о чем особо) — была у меня и вполне корыстная мысль.

Вообще, оказавшись в этом теле, я очень быстро научился радоваться совсем для меня ранее незначительным вещам. Тепло и сухо, дождик не идет, когда ты под открытым небом? Очень хорошо! Спина не болит и колени не ноют? Просто замечательно! Геморрой не беспокоит? Да это же просто счастье! Еще и ложку меда, выдаваемую в лекарственных целях, сожрать можно, а не зад им намазать.

Ну и появилась у меня в связи с этим идея одна.

Я уже изрядно, по местным меркам, в возрасте, здоровье улучшаться явно не будет. Нет, Лисапет оказался мужиком хотя и тощим, но жилистым, зрение опять же

сохранил идеальное, но сколько это тело еще продержится в чем-то, напоминающем физическую форму? Год местный, много если два. И что потом? Стремительно превратиться в развалину, посидеть полгода на лавочке с такими же немощными старцами да помереть? Ну и стоило ли из-за таких перспектив городить огород? Повкальвать на полях и загнуться — это несколько не то, на что я рассчитывал, когда скопытился первый раз, а мне дали возрождение. Нет, уксус на халяву, как известно, сладок, но хотелось бы получить несколько более приятный напиток.

Вот и подумалось мне: брат-библиотекарь заметно старше меня и очевидно дряхл. Скоро ему потребуется помощник, а затем этот человек, вероятно, унаследует и его место. Так отчего таким человеком не должен стать я? Работа физически не особо тяжелая, к чтиву доступ круглосуточный — значит, скучать не придется. А единственный минус — это скверное отопление самого зала, где книги хранятся. Ну так я же не обязан буду там безотрывно сидеть! У библиотекаря своя рабочая каморка имеется, а там зимой так же тепло, как и в остальном монастыре. Правильнее сказать — так же холодно, но хоть зуб на зуб попадает.

Я к брату Шантарамке уже и пробные шары закатывать начал — поделился идеей библиотечной картотеки. Старику мысль о том, что не надо будет лазать по полкам и искать нужный свиток, полагаясь лишь на собственную память, а можно будет вытащить маленький кусочек пергамента из ящичка и сказать, где именно стоят искомые свитки (а там уже пусть читатели сами лезут и берут), настолько понравилась, что он чуть ли не бегом помчался к отцу Тхритраве требовать от того на библиотечные нужды специальный каталожный шкаф и братьево для его заполнения.

Братьев ему не дали, но вот иноков для сего солнцегородного занятия выделили изрядно.

Так я остался без помощника. И, до кучи, угадайте, кому шкаф пришлось делать? Инициатива наказуема, да. Хотя на вопрос об источнике идеи отшутиться удалось (карпы, мол, нашептали) — и то хорошо.

На счастье, рыбы к тому моменту мною было наловлено столько, что (в соленом и копченом виде) ее в еде не убавилось, хотя предполагаю, что брат Асмара при трате запасов на текущие нужды выдержал титаническую битву со своей жадностью.

В помощники библиотекаря меня, правда, выдвигать никто покуда не торопился, но я рук не опускал, коварно готовясь подsunуть идею насчет переплетенных книг, которые тут или не в ходу, или вовсе неизвестны. Если и это не приведет меня к вожденной должности, то придется что-то мудрить уже по поводу книгопечатания.

Ну а покуда Шантарамка был занят каталогизацией библиотеки, я, буквально с боями вырвав Тумила обратно под мое непосредственное руководство (чтобы было кому таскать круглое и катать квадратное), умотал на целую неделю в горы за форелью — и стол разнообразить, и участия в этом безумно «увлекательном» занятии избежать. Кастелян, шибко «пеструшку» уважающий, удовлетворенно потер руки и договорился с жителями расположенной поблизости деревушки о ежедневной доставке улова.

Жучков и прочих насекомых на наживку мы с молодым послушником насобирали по пути целый здоровущий короб. Ярких, на которых эта рыба летом особо охотно клюет, попалось не очень много, но и так рыбалка определенно задалась. К тому же за всю неделю не приключилось ни малейшего дождя, так что я с удовольствием погрел свои старые косточки на камнях, перепо-

ручив саму ловлю Тумилу, а себе оставив в основном командные функции.

Парень, в общем-то, и не возражал. На похвалу ему, по возвращении с рыбалки, я никогда не скупился (тоже для Лисапета поведение совершенно нехарактерное, но вполне объяснимое — увидел старый перечник в пацане себя в юности), так что слава знатного рыбака постепенно закреплялась и за ним. Мальчик, кстати, он оказался весьма сообразительный и мигом понял, какую выгоду из этого может в дальнейшем извлечь. Да и просто уважение убеленных сединой мужей ему льстило безмерно.

Однако отпущенная мне неделя подошла к концу, и пришло время возвращения в обитель. Отслужив утреннюю службу (ну монах я, положено мне такое аж четыре раза в день, не палиться же перед мелким на тему того, где я всех местных богов видел), мы с Тумилом собрали свои нехитрые пожитки и вечерний улов, да и пошли неторопливо до монастыря. По пути повстречали крестьянина на телеге, направлявшегося аккурат в обитель, и тот нас подвез.

Пацан всю дорогу самым бессовестным образом продрых, а мы с водителем кобылы провели время пути в беседе на тему того, как раньше трава была зеленее, небо — ярче, а девушки — красивее. Дядюшка Аук, как он представлялся, моим ровесником оказался.

Монастырь встретил наше прибытие вовсе не характерными ему обычно шумом и суетой. По двору носились растерянные монахи, таскающие какие-то тюки в настоятелю «парадную телегу», как я это называю. За их суетой с неприкрытой иронией наблюдало несколько находящихся тут же солдат в пропыленных плащах и с осунувшимися от усталости лицами. Запряженная в изукрашенное нечто пожилая кобыла, которое Тхритрава (а до того не менее трех его предшественников на посту

главы обители) использовал для парадных выездов, видимо, к колготящимся инокам тоже испытывала презрение, что и продемонстрировала, задрав хвост и нагадив на цветные плиты, которыми был замощен двор. Солдатские лошади как существа военные, а потому более дисциплинированные от подобного проявления чувств пока воздерживались.

— Чегой-то у вас такое случилось? — крикнул Аук, сдвинув шапку на затылок.

— Да кто ж его знает? — пожал плечами я. — Приехал кто-то. Теперь кто-то уезжает.

— Ить, а колымажка-то отца-настоятеля, — опознал транспортное средство крестьянин.

— Ну, значит, он куда-то и уезжает. — Кажется, мой вывод был вполне логичен. — Тумил, просыпайся, мы приехали.

Паренек сладко потянулся, легким движением соскочил с телеги и часто заморгал, разинув рот.

— Ну? — язвительно спросил я. — Что у нас не слава Солнцу? Выезд отца-настоятеля никогда не видал? Так ничего странного, что не видал, — он почти никуда и не ездит.

— Блистательные! — благоговеино ахнул послушник.

Я перевел взгляд на солдат и внимательно их осмотрел.

— Да я бы сказал, не особо. Скорее, Грязнейшие и Пыльнейшие. — Плащи и некая помесь кафтана и халата со стоячим воротником, которую местные побогаче носят в качестве верхней одежды (а воины — и поверх кольчуг, кстати), действительно свидетельствовали о долгом пути, который пришлось преодолеть их владельцам. — Ну или Нестираннейшие, если быть уж совсем точным.

— Да ты только погляди на их шервани, брат Прашнарта! — Это он как раз про халатокафтаны.

— Вижу, — кивнул я. — Все испачканные, даже и не скажешь, какого были цвета.

— Синего! И с вышивкой золотой! — проявило эрудицию подрастающее поколение. — Да ты на сабли их глянь, на ножны!

— Богатые. — Я начал осторожно слезать с облучка, а потому спорить с очевидным не имел желаний, дабы в полемическом запале не сверзиться. — Надеюсь, на клинках они тоже не сэкономили.

— Ну открой же ты глаза! — возмутился мальчик. — Не видишь ты, что ли? Они изукрашены царскими знаками! Это приближенные самого владыки!

— Нет над нами владыки, кроме Святого Солнца и братьев его, — пробормотал я ритуальную фразу и нащупал наконец ногой твердую землю. — Гвардейцы Кагена, значит?

— Да! — почти выкрикнул Тумил.

— И чего они тут забыли, интересно? По разбойным мордам вижу, что не молиться приехали.

— Не иначе как примас помер, — авторитетно заявил Аук. — А эти к отцу Тхритраве приехали, на Святсовет звать, выбирать нового.

— Это да, такие дела без нашего настоятеля не решаются, — важно кивнул я и начал расшнуровывать свою котомку.

Наш глава обители в местной табели о рангах и впрямь стоит довольно высоко — примерно на уровне кардинала без портфеля.

— Хотя с чего б ему помирать-то? — Меня взяло сомнение в правдоподобности версии Аука. — Он же едва-едва четверть века разменял.

— Дык ить это у нас, в Долине Ста Благословений, по полвека порой живут, а то и подольше бывает, а в низинах людишки-то как мухи мрут. Лет двадцать, много ес-

ли тридцать протянут — и, считай, конец. А все отчего? Оттого что жизнь у них шебутная, и о душе они забывают, — поделился своими мыслями крестьянин.

— Это верно. Все поголовно в греховодничество впали. — Я извлек наружу вяленого карпа из тех запасов, что мы брали на случай отсутствия клева, нацарапал на нем ножиком знак Святого Сердца и протянул Ауку: — Вот, прими в знак моего благословения, добрый человек. Тумил, хорош зырить на солдат, хватай улов, и потопали.

Мы взяли по кожаному мешку с ляжками (на юную рабсилу я навесил еще и котомку с остатками продуктового запаса и одеялками — нехай поможет дедушке, пока тот до демобилизации на небеса не надорвался), каждый кило так по двадцать пять, и пошли на кухню. Миновали монастырскую трапезную, по этому времени, естественно, пустую, и вперлись в царство брата-кормильца и его присных.

— Э-ге-гей, братия, принимайте продукты! — крикнул я и плюхнул свою ношу на разделочный стол. — Добытки рыбы для вас расстарались!

Хотелось бы сказать: «зычно крикнул», но, увы, голос у Лисапета сухой и дребезжащий, так что скорее это можно охарактеризовать словами «шибко громко проскрипел».

— А, брат Прашнарта и послушник Тумил! — Монастырский шеф-повар, прозываемый за глаза Святая Кастрюлька, выскочил из-за обильно парящего чана. — Мы вас позже ожидали. Свежая? Как хорошо, аккуратно успеет на жареху. Хотя уж и не знаю, будет ужин с этой суетой или нет.

— Ты мне это прекрати, брат Трудналини. — Я помахал пальцем перед носом Кастрюльки. — Как это можно — от века установленный порядок нарушать? Так и вселенская гармония рухнуть может.

— Ну, это тебе виднее, брат, ты благодати сподобился, с рыбами разговариваешь...

Пошутил, называется! Они что, за чистую монету это приняли?

— Только вот, ты знаешь, с такими новостями гармония — она того... Потерпит.

— Гармония, конечно, потерпит. А вот я — нет, потому как жрать охота. Что у нас тут вообще происходит?

— Погоди, я сейчас. — Брат-кормилец метнулся к сковороде и начал в ней что-то перемешивать.

— Спрячь котомку за спину. — Я ткнул Тумила локтем в бок. — И ни слова про то, что в ней еда.

Паренек сделал вид, что наклонился поправить ремешок на сандалиии, а когда поднялся, наш НЗ был уже надежно спрятан у него под плащом. Умный парубок растет, ну прям почти как я сам.

— Гонец из столицы прибыл, — вернулся к нам брат Трундналини.

— А то я это, увидав десяток Блистательных во дворе, не понял. Ты б что-то не столь очевидное сказал, что ли. Например, что он привез срочные вести. — Я фыркнул. — Куда и зачем настоятель собрался?

— Нет, Прашнарта, что ты, отец Тхритрава никуда не едет!

— Да? — Я скептически хмыкнул. — Если бы ты сказал, что на ужин будет зажаренная на вертеле свинья, так и то это было бы не столь удивительно, поскольку рыдван преподобного стоит во дворе и уже запряжен.

— Свининки бы к празднику неплохо, конечно, да не разводит хрюшек в долине никто... — пробормотал Святая Кастрюлька. — А насчет кареты настоятеля это ты зря так. Красивая она, представительная и удобная — на цепях, для мягкости хода. Не то что у иных-прочих — телега-телегой, даром что в позолоте...

— Брат Трудналини, сколько лет мы с тобой знакомы? — мягко спросил я.

— Да изрядно уж... — Он озадаченно почесал в затылке. — Лет семь как, а то и все восемь.

— Тогда скажи, за все эти годы я хоть раз твою стряпню хаял?

— Всякое промеж нами бывало, брат Прашнарта, — протянул он задумчиво, — но такого, чтобы ты про мою готовку плохое сказал, честно говоря, не припоминаю.

— А послушник Тумил — он хоть раз дурное что про это говорил?

— Ну что ты, конечно же нет. — Лицо повара приобрело все более и более недоуменное выражение.

— Так скажи мне, родной (не дай Солнце, конечно), какого ж рожна ты нам тут по ушам каретой едешь? — взъярился я. — Расскажешь ты уже, что за вести привез гонец и кто в настоятелевой колымаге куда настропалился?!

— Ах, ты об этом все... — Брат-кормилец понизил голос, чтобы его помощники, прислушивающиеся к нашей беседе, не подслушали (хотя, держу пари, скорее, для пушшего драматического эффекта — не могли они новостей не знать). — Брата Шапура в столицу вызывают.

— Да ты что? — Я подпустил в голос ноток недоверия. — А с какого?.. В смысле зачем бы он там кому сдался?

— Ну, ты знаешь ведь, он, говорят, тоже благодати сподобился, молитвами исцеляет. Мне-то недосуг хворать, а вот те, кого он пользовал, такое бают... Да кому я рассказываю?! У твоего ложа, когда ты простуженный валялся, на него ведь и снизошло.

Ну, так-то да. С моей легкой руки исцеление молитвой ему действительно приписали, было дело. Отец Тхритрава, когда до него донесли этот бродящий промеж

монахов шепоток, мигом сообразил, как из слухов можно делать деньги.

Кто обычно шляется на богомолья? Либо шибко верующие, либо шибко больные. Ну еще есть такие, что два в одном. Отсюда вывод — если в монастыре завелся хоть что-то собой представляющий врач, его надо срочно продемонстрировать общественности, дать ему кого-нибудь показательно исцелить, и тогда сарафанное радио разнесет весть во все концы, творчески домыслив и приукрасив произошедшее.

В обитель Святого Солнца и так всякие хворые толпами шлялись, водички целебной из источника попить (на вкус — сущие «Ессентуки»), а когда слух прошел о святом монахе... Последний месяц от страждущих отбоя не было, и каждый нес в монастырскую казну хоть небольшое, да пожертвование.

Впрочем, надо признать, что брат Шаптур действительно оказался неплохим лекарем и ставил на ноги примерно девятерых из дюжины. Чего ему с такими талантами приспичило в иноки податься?

— Ну снизошло или снизоехало, это я, положим, не знаю... И кто у нас такой важный помирает? — спросил я.

— Царь, — скорбным голосом сообщил повар. — Со всем не встает уже больше седмицы, и с каждым днем все слабее и слабее. Примас всех самых достойных во дворец отправил, вести молебны за здоровье государя, сам ежедневно проводит жертвоприношения Великой Дюжине и Троице Святым, да что-то не помогает.

— Интересно, а лекарства вместо молитв они Кагену давать не пробовали? Слыхал, что некоторые от этого поправлялись, — буркнул я себе под нос.

Но Трудналини меня не услышал — Остапа уже несло.

П р и л о ж е н и е

АШШОРИЯ И НАРОДЫ, ЕЕ ОКРУЖАЮЩИЕ

Территория царства расположена в долине реки Великая Поо и ее притоков, основными из которых являются Долговодная (берет начало на юго-западе Ашшории), Шустрая Змейка (течет со склонов хребта Гнилые Зубы) и проистекающая со Станового Хребта река Аршачка. С запада берега Ашшории омывают волны Усталого моря, с востока и юга страна окружена пиками Станового Хребта, на севере царства граница проходит по Шумским горам. Последние тянутся почти до самого моря, но за полтора дневных перехода до берега резко изгибаются к северу, открывая проход в раскинувшуюся до Зимнолесья на севере Большую Степь. Побережье Усталого моря примерно в тех же местах поворачивает на северо-запад и не меняет общую направленность до самых городов-государств народа рулинноев.

На юге Становой Хребет заканчивается за два дневных перехода до моря, которое в этих местах разворачивается строго на запад, образуя Скарпийскую державу — горное царство, раскинувшееся на южном берегу Усталого моря. Между предгорьями Скарпии и краем Станового Хребта Ашшория граничит с сатрапией Бантал — северной провинцией Парсуды.

К востоку от Ашшории расположено Мирельское, а к северу — Инитарское царства.

Коренные ашшоры — светлокожие и русоволосые, с серыми, синими и, реже, зелеными глазами. Мирельцы и инитарцы близки ашшорам как по крови, так и по языку, однако у этих народов русый волос обычно с золотистым или каштановым отливом.

Рулинной, как и произошедшие от них скарпийцы, преимущественно блондины, однако карий цвет глаз и темные брови среди них не редкость. Язык их и традиции от ашшорских заметно отличаются.

Заки, обитатели Большой Степи, также светлокожи и имеют язык, схожий с ашшорским, хотя фактически не находятся в родстве ни с кем из соседей. Отличительной особенностью заков являются огненно-рыжие волосы (благодаря долгому и не всегда немирному соседству в приграничных районах Ашшории многие жители царства имеют рыжие волосы). У них отсутствует государство как таковое, хотя иногда их кочевья удастся объединить под своей рукой кагану. Это неизбежно ведет к тому, что заки вторгаются к кому-то из соседей целой ордой.

Парсюки, южные соседи Ашшории, обыкновенно смуглокожи, кареглазы, с темно-русыми или черными волосами, однако это справедливо лишь для коренных жителей Парсуды. За все время существования этого древнего государства под его управлением оказывалось множество самых разных народов (одна только Ашшория — пять раз), и, например, в той же сатрапии Бантала светловолосых рулинноев ничуть не меньше, чем всех остальных. Такое соседство сказалось и на Ашшории, чьи южные жители тоже часто могут похвастать бело-золотым или светло-русым волосом.

Язык Парсуды, равно как и культура, схож с ашшорским, несмотря на серьезную разницу во внешнем облике ее обитателей. В первую очередь это объясняется долгой гегемонией парсюков, чей язык постепенно вытеснял и заменял местечковые диалекты в сатрапиях и протектора-

тах. Несмотря на то что от бывшего могущества этого государства осталась лишь бледная тень, именно парсан является языком международного общения от берегов Усталого моря до Южного океана и от Непролазного хребта на западе до границ держав народа сюнну далеко на востоке.

К западу и юго-западу от Скарпии и Парсуды, между труднопреодолимыми пиками Непролазного хребта и волнами Длинного моря, частью которого является мелководное Усталое, до недавних времен располагались карликовые царства народа ханну. Некогда и они входили в состав державы парсюков, но после вторжения рулинноев и образования Скарпии связь между Парсудой и этими землями прервалась. К настоящему же моменту в царствах ханну, как и в Скарпии, хозяйничают асины. Представители этого воинственного народа сохраняют там видимость независимых государств, однако условия «союзнических» договоров, которые асинский Совет Первейших навязал народу ханну, таковы, что ни о какой деятельности местных царьков без одобрения асинских «посланников» речи не идет. Скарпия же открыто провозглашена ими протекторатом и, вероятно, станет такой же провинцией, как и запад Рулинной.

В целом культура и религия Асинии довольно близки рулиннойской, однако асины не видят смысла в такой декларируемой добродетели своих соседей, как «благородная умеренность», что проявляется как в одежде граждан, так и в аппетитах самой державы. По крови же и языку асины не родня никому. Цвет волос они имеют обыкновенно русый, а кожа их, хотя и довольно светлая на фоне парсюков или ханну, все же заметно смуглее, чем у рулинноев.

Народ это воинственный, подобно рулинным, считающий своим предназначением повелевать всеми окружающими и, в отличие от разрозненных городов-государств своих восточных соседей, это свое утверждение деятельно подтверждающий. Приведение ими под

свою руку Скарпии, обладательницы самого крупного из флотов известного мира, делает их претензии еще более обоснованными.

Что касается взаимоотношений с соседями самой Ашшории, то они достаточно сложны. Если со скарпийцами и рулинными уже давно установился прочный мир (Ашшория перестала претендовать на хоть сколь-нибудь значимую роль в акватории Усталого моря, а скарпийцы и рулинной, в свою очередь, прекратили набеги на ее побережье, довольствовавшись главенствующим положением в водной торговле), то с прочими соседями все обстоит отнюдь не столь благостно. Во времена вторжения рулинно-ев в Парсуду независимость получила не только Ашшория, бывшая на тот момент уже и не царством, а всего лишь сатрапией, но и мирельцы с инитарцами. Последние хоть и не имели сильного государства, но владели частью Щумской долины. Когда к югу от Инитара образовалось новое царство, они предприняли шаги к объединению, однако недостаточно быстрые для того, чтобы ашшоры не отняли у них Коттию, Симур и Караду, а Шехаму включили в свою зону влияния. Немирным было и сосуществование с мирельцами: уже при втором царе из рода Крылатых Ежей Ашшория начала с Мирельским царством войну за Запоолье (земли между Великой Поо и Становым Хребтом), а полвека назад отхватила еще и княжество Самватин.

С Парсудой у Ашшории также имеются взаимные территориальные претензии, поскольку север Бантала считается частью древних ашшорских земель, а само царство, в свою очередь, неоднократно входило в состав парсудских пределов. Серьезных столкновений на этой почве за последнее столетие не наблюдалось, но вопрос о том, кто кому и что должен, между этими державами окончательно так и не решен.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕРЗКИЙ СТАРИКАШКА. Фантастический роман	5
<i>Приложение.</i> Ашшория и народы, ее окружающие	311